БИБЛІОТЕКА ТОМСКОГО МУЗЕЯ. №
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР 200 53
МУЗЕЯ. ТОМСКОГО БИБЛІОТЕКА

Внѣ закона.

I.

Сама жизнь выдвинула вопросъ о свободѣ совѣсти на первое мѣсто, на первую очередь. Всѣмъ извѣстные событія и факты русской народно-общественной жизни послѣдняго времени настойчиво и неотступно требуютъ возможно скорѣйшаго, безотлагательнаго разрѣшенія этого давнымъ-давно наболѣвшаго вопроса. Въ разрѣшеніи его заинтересована вся Россія, все русское общество, отъ его верховъ, до низовъ, отъ князя до крестьянина, но всего ближе и непосреднѣе вопросъ этотъ касается, конечно, тѣхъ 20 милліоновъ[1] коренныхъ русскихъ гражданъ, которые извѣстны у насъ подъ названіемъ сектантовъ, старообрядцевъ и раскольниковъ.

Извѣстная рѣчь орловскаго губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича, произнесенная имъ на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ по вопросу о свободѣ совѣсти, еще разъ напомнила правительству и обществу о тѣхъ невозможныхъ общественныхъ условіяхъ, среди которыхъ течетъ жизнь многомилліоннаго сектантскаго населенія въ Россіи. Рѣчь эта, явившаяся крупнымъ событіемъ нашей общественной жизни, была встрѣчена цѣлымъ взрывомъ общаго сочувствія со стороны всѣхъ мыслящихъ, просвѣщенныхъ русскихъ людей. Печать, въ лицѣ своихъ лучшихъ органовъ, насколько позволяли цензурные тиски, горячо привѣтствовала благородный, истинно гражданскій подвигъ г. Стаховича, осмѣлившагося громко, на весь міръ, заявить о страшной язвѣ, разъѣдающей нашъ государственный организмъ.

При этомъ указывалось на отсталость нашего законодательства по вопросамъ, касающимся преступленій и проступковъ противъ господствующей церкви, перечислялись суровыя мѣры, постигающія за переходъ изъ православія въ другія вѣроисповѣданія, а также за распространеніе религіозныхъ ученій, несогласныхъ съ ученіемъ господствующей церкви. Читались статьи законовъ, относящіяся до послѣдователей такъ называемыхъ „особенно-вредныхъ“ сектъ, доказывалась настоятельная необходимость соотвѣтствующихъ измѣненій въ законодательствѣ, въ духѣ терпимости и свободы.

Все это было, конечно, глубоко вѣрно и справедливо.

Но при этомъ, — быть можетъ, невольно, — были упущены изъ вниманія нѣкоторыя въ высокой степени важныя и существенныя стороны вопроса.

Прежде всего не было указано на одну весьма характерную особенность крайне ненормальнаго положенія, въ которомъ находится

[1] См. статью „Два милліона или же двадцать милліоновъ“ А. Борецкаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1902 г. № 24.

у насъ самый вопросъ о сектантствѣ и расколѣ. Особенность эта состоитъ въ томъ, что какъ въ административныхъ, такъ и въ духовныхъ сферахъ вопросъ этотъ до сихъ поръ считается почему-то секретнымъ. Вся переписка, всѣ сношенія по этому вопросу правительственныхъ и церковныхъ учрежденій до сихъ поръ ведутся не иначе, какъ „конфиденціально“ и „совершенно секретно“. Администрація и особенно духовныя власти всячески стараются облечь и окружить этотъ вопросъ непроницаемой тайной. Они ставятъ всевозможныя препятствія и тормазы тѣмъ лицамъ, которыя желали бы посвятить свой трудъ и свое время на тщательное изученіе и изслѣдованіе этого вопроса.

Извѣстно, что архивы святѣйшаго синода, духовныхъ консисторій и многихъ нашихъ монастырей содержатъ въ себѣ огромное количество матеріаловъ, какъ по исторіи раскола и сектантства, такъ и объ его современномъ состояніи, но, къ сожалѣнію, всѣ эти въ высшей степени драгоцѣнные матеріалы совершенно недоступны для ученаго изслѣдователя. Проникнуть свѣтскому, да отчасти и духовному ученому въ архивъ святѣйшаго синода или духовной консисторіи столь же трудно, какъ верблюду пройти сквозь игольное ухо... Тайна, глубокая тайна ревниво скрываетъ отъ общества, отъ народа, отъ науки всѣ эти богатѣйшія сокровища, которыя могли бы пролить яркій свѣтъ на многія стороны религіозной и духовной жизни русскаго народа, до сихъ поръ очень мало выясненныя. Самые отчаянные конспираторы и заговорщики могутъ позавидовать той таинственности, которой удалось нашимъ духовнымъ властямъ окружить свои архивы. Но въ этой мрачной таинственности, въ этой странной свѣтобоязни, въ этомъ страхѣ передъ гласностью таится что-то отталкивающее, что-то глубоко возмущающее нравственное чувство каждаго убѣжденнаго, искренняго человѣка.

Точно и въ самомъ дѣлѣ въ этихъ архивахъ и канцеляріяхъ хранится что-то такое, что необходимо всячески скрывать, таить и какъ можно дальше прятать отъ взоровъ людей!

Затѣмъ, во время полемики, вызванной рѣчью М. А. Стаховича, не былъ достаточно опредѣленно и ярко отмѣченъ тотъ фактъ, что тяжесть современнаго положенія русскихъ сектантовъ и раскольниковъ зависитъ не только отъ тѣхъ или другихъ направленныхъ противъ нихъ статей закона, но едва ли еще не въ большей мѣрѣ отъ тѣхъ мѣръ чисто административнаго характера, которыя, къ сожалѣнію, получили слишкомъ широкое примѣненіе у насъ по отношенію къ сектантству и расколу.

Чтобы убѣдиться въ этомъ — достаточно припомнить хотя въ самыхъ общихъ чертахъ практику административныхъ воздѣйствій въ области религіи и церкви за послѣднія 20—25 лѣтъ.

Общественная реакція, наступившая съ 1881 года, прежде всего отозвалась — какъ и всегда въ эпохи застоя — на положеніи печати и литературы. Цензура, какъ общая, такъ и спеціально духовная, начинаетъ проявлять необычайную строгость и придирчивость, особенно по вопросамъ, касающимся современныхъ условій религіозной, духовной жизни русскаго народа. Органы періодической прессы получаютъ секретныя предписанія не говорить и не касаться тѣхъ

именно вопросовъ, которые едва ли не болѣе всего занимали и интересовали въ тотъ моментъ русское общество.

Статьи, посвященныя вопросу о русскомъ сектанствѣ, вырѣзываются изъ журналовъ. Книги, трактующія этотъ вопросъ, задерживаются цензурой и сжигаются или же уничтожаются инымъ способомъ. Такъ, въ 80-хъ годахъ были задержаны и сожжены слѣдующія книги: „Расколъ внизу и расколъ вверху. Очерки современнаго сектантства", „Отщепенцы: старо-вѣры и ново-вѣры. Очерки религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа", „Въ поискахъ за правдой" и т. д.

Конечно, при нѣкоторомъ желаніи и въ этихъ фактахъ, при сопоставленіи ихъ съ аналогичными явленіями далекой эпохи, можно, пожалуй, усмотрѣть извѣстный прогрессъ. Въ самомъ дѣлѣ: прежде жгли раскольниковъ и сектантовъ, жгли на кострахъ живыхъ людей, теперь же жгутъ только книги, посвященныя вопросу о сектантахъ. Прогрессъ очевиденъ. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что за послѣднее время эти средневѣковыя аутодафэ болѣе уже не практикуются, такъ какъ теперь книги, осужденныя на уничтоженіе, уже не жгутъ, а рубятъ, обращаютъ въ массу и приготовляютъ изъ нея снова бумагу, на которой печатаютъ... быть можетъ „Миссіонерское Обозрѣніе" или „Правительственный Вѣстникъ".

Благодаря подобнымъ мѣрамъ, проводимымъ притомъ съ рѣдкой настойчивостью, вопросъ о расколѣ и сектантствѣ становится совершенно недоступнымъ для обсужденія его въ русской печати. Редакторы журналовъ и газетъ, боясь навлечь на себя административныя кары, скрѣпя сердце, стараются обходить молчаніемъ вопросы, связанные съ условіями, среди которыхъ течетъ религіозная, духовная жизнь русскаго народа.

Въ результатѣ свѣтская печать лишена была всякой возможности выяснять крупное явленіе народно-общественной жизни, затрагивающее важнѣйшія стороны человѣческаго духа. Но въ то время, какъ независимая печать вынуждена была хранить невольное молчаніе объ этомъ наболѣвшемъ вопросѣ, духовная пресса въ огромномъ большинствѣ своихъ органовъ широко пользовалась правомъ... правомъ бить лежащаго, т. е. громить и обличать послѣдователей русскихъ религіозныхъ сектъ и ученій, которые лишены были всякой возможности возражать и оправдываться противъ взводимыхъ на нихъ обвиненій.

Духовнымъ органамъ не доставало безпристрастія, не доставало спокойнаго объективнаго отношенія, столь необходимаго для выясненія сложнаго общественнаго явленія и, наконецъ, не доставало широты взгляда, такъ какъ они разсматривали вопросъ исключительно съ полемической точки зрѣнія, имѣя въ виду обличить ученія разныхъ сектъ въ тѣхъ или другихъ отступленіяхъ ихъ отъ догматовъ господствующей православной церкви. Но при этомъ они совершенно не интересовались другими сторонами этого вопроса. Они не старались выяснить тѣ внутреннія, психическія причины, которыя заставляютъ народъ отказываться отъ православія и толкаютъ его въ сентантство. А выясненіе этихъ причинъ получаетъ особенное значеніе въ виду несомнѣннаго факта, что въ сектантство и расколъ

чаще всего уходятъ наиболѣе чуткія, наиболѣе живыя, воспріимчивыя и страстныя натуры изъ народа. Духовные органы, духовные писатели не задавались вопросами: почему, въ силу какихъ мотивовъ крестьянинъ, мысль котораго пробудилась, чаще всего уходитъ въ сектантство? Почему крестьянинъ, который началъ задумываться надъ вопросами нравственнаго и религіознаго характера, котораго начали смущать и мучить разныя сомнѣнія о правой вѣрѣ, о возможности спасенія души, объ устройствѣ жизни на началахъ евангелическаго ученія, — почему такой человѣкъ въ большинствѣ случаевъ порываетъ съ церковью и становится адептомъ того или другого сектантскаго ученія?

Еще бо́льшее равнодушіе проявляли духовные органы и писатели къ выясненію тѣхъ внѣшнихъ причинъ и условій, которыя способствуютъ у насъ развитію и усиленію сектантства. Между тѣмъ необходимо признать, что причины, обусловливающія развитіе нашего раскола и сектантства, слишкомъ широко захватываютъ народную жизнь и коренятся въ ней гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о расколѣ тѣсно, органически связывается не только съ вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и со всѣми тѣми вопросами нашего общественнаго строя, которые относятся до правового и экономическаго положенія народа: всѣ эти вопросы находятся въ прямой и тѣсной связи съ условіями, содѣйствующими развитію сектантства, и отъ того или другого практическаго разрѣшенія ихъ будетъ прямо зависѣть усиленіе или ослабленіе сектантства.

Если такія секты, какъ бѣгунство или странничество и неплательщики, являются прямымъ, хотя и несознательнымъ протестомъ противъ извѣстныхъ невыносимо тяжелыхъ условій народной жизни (въ родѣ, напримѣръ, непосильныхъ податей и паспортовъ, сковывающихъ народъ), то понятно само собою, что только устраненіемъ поводовъ и причинъ, вызывающихъ протестъ, можно парализовать развитіе такого рода ученій и не дать имъ принять еще болѣе острыя, болѣе рѣзкія формы. Между тѣмъ мы какъ будто не хотимъ замѣчать, что развитіе многихъ сектъ находится въ непосредственной зависимости отъ существованія въ народной жизни такихъ учрежденій, какъ паспортная система, чрезмѣрное обложеніе народа разнаго рода податями и налогами и т. п.

Вообще чрезвычайная разнородность основныхъ элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ нашъ расколъ, составляетъ главную причину, почему вопросъ о сектантствѣ не можетъ быть обсуждаемъ отдѣльно, самъ по себѣ, безъ отношенія его къ другимъ наиболѣе важнымъ и давно наболѣвшимъ вопросамъ нашей народно-общественной жизни. Если бы мы сознавали это, то, конечно, не возлагали бы въ борьбѣ съ сектантствомъ всѣхъ своихъ упованій на дѣятельность господъ и отцевъ миссіонеровъ, на строгость секретныхъ циркуляровъ и на полицейскія преслѣдованія и стѣсненія.

Своей системой борьбы съ сектантами правительство и церковь какъ нельзя лучше доказываютъ свое полное незнаніе русскаго раскола и сектантства, непониманіе того, что составляетъ главную сущность, главную основу и силу религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа.

Въ этомъ незнаніи и непониманіи сектантства вмѣстѣ съ правительствомъ и духовенствомъ, въ значительной степени повинно также и русское общество, русская интеллигенція. Но въ этомъ случаѣ вся вина за такое незнаніе всецѣло падаетъ, конечно, на тѣ исключительныя условія, въ которыя поставленъ у насъ вопросъ о сектантствѣ, до сихъ поръ считающійся „секретнымъ“, „щекотливымъ“ и запретнымъ, недоступнымъ для гласнаго, свободнаго обсужденія и изслѣдованія.

Благодаря такому положенію дѣла, получается необыкновенная аномалія: мы, русскіе, не можемъ указать въ своей литературѣ такихъ трудовъ и изслѣдованій по русскому сектантству, какіе можно встрѣтить въ литературахъ другихъ народовъ; въ доказательство этого достаточно указать, напримѣръ, на извѣстное изслѣдованіе Леруа-Болье, посвященное вопросу о русскомъ расколѣ-сектантствѣ. Въ силу цензурныхъ условій у насъ до сихъ поръ не могутъ быть изданы въ свѣтъ работы по расколу и сектантству Щапова, Аксакова, Мельникова, Пругавина, Абрамова и многихъ другихъ, не могутъ быть изданы даже матеріалы по исторіи раскола и сектантства, собранные разными лицами и учрежденіями въ огромномъ количествѣ.

II.

Одновременно съ репресивными мѣрами, направленными противъ печати, начинается открытое и усиленное гоненіе послѣдователей сектъ раціоналистическаго характера: штундистовъ, пашковцевъ, баптистовъ, молоканъ, духоборовъ, деснаго братства и т. д. И, хотя преслѣдованія эти въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, можно сказать, не прекращались ни на минуту и до сихъ поръ практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе однако оффиціальные представители власти, какъ духовной, такъ гражданской, имѣютъ смѣлость категорически отрицать даже самый фактъ подобныхъ преслѣдованій.

Православные миссіонеры въ своихъ органахъ постоянно утверждаютъ, что всѣ слухи и разсказы о преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ сектантовъ въ Россіи крайне преувеличены и раздуты, что, собственно говоря, никакихъ преслѣдованій, а тѣмъ болѣе гоненій противъ сектантовъ въ Россіи не происходитъ и что изъ всѣхъ русскихъ сектъ лишь одни штундисты подвергаются нѣкоторымъ стѣсненіямъ, но и эти стѣсненія ничтожны, что о нихъ не стоитъ даже и говорить, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они ограничиваются лишь незначительными штрафами въ 5—6 рублей. И только всего.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется огромный, строго фактическій матеріалъ о преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ, предпринимаемыхъ русскимъ правительствомъ и духовными властями противъ послѣдователей разныхъ религіозныхъ сектъ и ученій. Къ сожалѣнію, размѣры настоящаго сообщенія не позволяютъ намъ привести здѣсь даже самую краткую хронику тѣхъ арестовъ, обысковъ, ссылокъ, изгнаній и заточеній, которые предпринимались въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, такъ какъ напечатаніе подобной хроники потребовало бы цѣлой объемистой брошюры или книги. Въ виду этого, по не-

обходимости, мы вынуждены отказаться отъ желанія нарисовать полную картину общественныхъ условій, среди которыхъ живутъ наши религіозные отщепенцы, и должны будемъ ограничиться лишь указаніемъ на отдѣльные эпизоды, на отдѣльные случаи и болѣе характерные моменты той борьбы, которая ведется у насъ теперь противъ сектантства какъ гражданскими, такъ и духовными властями.

Чуть ли не первыми испытали на себѣ тяжелый гнетъ установившейся у насъ съ начала 80-хъ годовъ реакціи такъ называемые „пашковцы“. Подъ этимъ именемъ въ Россіи извѣстны послѣдователи ученія англійскаго проповѣдника лорда Редстока. Главнымъ распространителемъ этого ученія въ Россіи считался полковникъ гвардіи Василій Александровичъ Пашковъ, извѣстный своей широкой благотворительной дѣятельностью. На его средства и при его активномъ содѣйствіи и участіи возникло множество разныхъ филантропическихъ и просвѣтительныхъ учрежденій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ, напримѣръ: больницъ, пріютовъ, школъ и т. д.

Въ половинѣ 70-хъ годовъ Пашковымъ и графомъ А. П. Бобринскимъ было основано въ Петербургѣ „Общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія“, которое за время своего существованія издало множество брошюръ и книгъ религіозно-этическаго содержанія. Эти брошюры и книги, вмѣстѣ съ евангеліемъ и библіей, распространялись членами Общества въ широкихъ кругахъ русскаго народа. Благодаря дѣятельности этого Общества, евангеліе на русскомъ языкѣ проникло въ очень многія глухія села и деревни.

Чтеніе евангелія сдѣлало свое дѣло. Подъ вліяніемъ этого чтенія мысль крестьянина всколыхнулась. Она начала работать надъ вопросами нравственнаго, религіознаго и общественнаго характера. Это пробужденіе народной мысли, поддерживаемое извѣстными соціальными явленіями современной жизни, съ каждымъ годомъ сказывалось все громче и опредѣленнѣе, обнаруживаясь въ разныхъ формахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Для всѣхъ становилось очевиднымъ, что во взглядахъ народа, въ его завѣтныхъ вѣрованіяхъ, идеяхъ и представленіяхъ начинался глубокій переломъ, назрѣвалъ серьезный кризисъ. Рамки сухого, черствaго формализма и мертвой обрядности, столь долго сковывавшія народную мысль, народное чувство, оказывались тѣсными и начинали раздвигаться подъ напоромъ пробуждавшагося сознанія.

Но такое пробужденіе не могло, конечно, нравиться сторонникамъ мрака и застоя: оно пугало ихъ, вызывая тревогу и опасенія, вызывая страхъ передъ народомъ, умъ и чувство котораго начинали прозрѣвать. И вотъ начинаются репрессіи. „Общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія“, которое такъ много сдѣлало для распространенія въ народной средѣ евангелія, — было закрыто. Всѣ брошюры и книги, изданныя этимъ Обществомъ, были запрещены и конфискованы. Надъ Пашковымъ и его друзьями учреждается строгій гласный или тайный надзоръ, нѣкоторые изъ пашковцевъ обязываются подпиской о невыѣздѣ изъ мѣстъ жительства, они привлекаются къ разнымъ дознаніямъ, увѣщаніямъ и т. д.

Затѣмъ, въ 1884 г. В. А. Пашкову было предъявлено требованіе прекратить свою дѣятельность по распространенію евангелія и рели-

гіозно-нравственныхъ брошюръ, а также всякую устную пропаганду. Отъ него потребовали, чтобы онъ выдалъ въ этомъ подписку. Когда же онъ отказался выдать такое обязательство, то ему было предложено немедленно оставить Россію. Такимъ образомъ онъ принужденъ былъ переселиться въ Англію. Такому же изгнанію изъ Россіи подвергся графъ Модестъ Модестовичъ Корфъ, вынужденный переселиться во Францію. За остальными болѣе дѣятельными редстокистами, какъ, напримѣръ: графомъ А. П. Бобринскимъ, Е. И. Чертковой, Н. П. Зиновьевымъ, княгиней Гагариной, семьей фонъ-Крузе и многими другими, учрежденъ былъ полицейскій надзоръ, который нерѣдко принималъ крайне грубыя формы, начиная отъ подглядыванія подъ окнами и кончая до вторженія въ ихъ дома околодочныхъ и другихъ полицейскихъ чиновъ.

Если подобныя мѣры допускались по отношенію лицъ, принадлежащихъ къ высшему столичному обществу, лицъ, которыя нерѣдко располагали значительными связями и вліяніемъ, — то не трудно себѣ представить, что дѣлалось съ простыми смертными, съ крестьянами и мѣщанами, заподозрѣнными почему-нибудь въ принадлежности къ пашковской сектѣ. Достаточно было миссіонеру или уряднику узнать, что у такого-то крестьянина имѣются пашковскія брошюры или такъ называемое „пашковское евангеліе“, чтобы немедленно же послѣдовалъ обыскъ у этого крестьянина. Если при этомъ находили тѣ или другія пашковскія брошюры или же евангеліе съ подчеркнутыми мѣстами, то тотчасъ же начиналось дознаніе и слѣдствіе, начинались допросы и аресты, словомъ, возникало „секретное“ дѣло по обвиненію въ распространеніи пашковской секты, со всѣми его обычными, всегда весьма печальными для обвиняемыхъ, послѣдствіями.

Судебныя дѣла о пашковцахъ постоянно возникали въ Петербургѣ, Москвѣ и въ разныхъ губерніяхъ: Тверской, Псковской, Нижегородской, Таврической и во многихъ другихъ. Почти всѣ эти дѣла возбуждались по иниціативѣ мѣстнаго духовенства; чаще же всего эта иниціатива исходила изъ среды православныхъ миссіонеровъ. И это не только въ глухой провинціи, но и въ столицахъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, миссіонеромъ отцемъ Христофоромъ Максимовымъ возбужденъ былъ цѣлый рядъ подобныхъ дѣлъ. Такъ, въ 1893 году онъ возбудилъ дѣло по обвиненію госпожъ Бороздиной и Огневой и нѣсколькихъ крестьянъ въ распространеніи пашковской секты. Слѣдствіе, къ которому привлечено было множество лицъ, производилъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Къ сожалѣнію, власти не нашли возможнымъ передать это дѣло на судъ и предпочли окончить его административнымъ порядкомъ. Нѣсколько человѣкъ изъ числа привлеченныхъ къ слѣдствію были сосланы административнымъ порядкомъ на 7 лѣтъ въ Закавказскій край, въ Эриванскую губернію.

Надъ г-жей Бороздиной учрежденъ былъ строжайшій надзоръ полиціи, при чемъ для выѣзда изъ Москвы въ предѣлы Московской губерніи она должна была каждый разъ испрашивать разрѣшеніе московскаго генералъ-губернатора, а для выѣзда въ другія губерніи разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Когда г-жѣ Бороздиной

явилась необходимость поѣхать въ Серпуховскій уѣздъ, къ своему родственнику, который занималъ тамъ должность предводителя дворянства, то ей было выдано „проходное свидѣтельство“, при чемъ она обязана была ѣхать, нигдѣ не останавливаясь, по прибытіи же на мѣсто, явиться въ полицію. Мѣстныя полицейскія власти, начиная отъ исправника и кончая урядникомъ и полицейскимъ десятникомъ, получили приказаніе строжайше слѣдить за каждымъ шагомъ этой опасной преступницы, вся вина которой состояла лишь въ томъ, что она осмѣлилась раздавать народу евангеліе съ подчеркнутыми текстами.

Большинство пашковцевъ, навлекшихъ на себя подозрѣнія духовенства въ пропагандѣ, высылалось въ Закавказье, гдѣ они обыкновенно поселялись среди инородцевъ, при чемъ администрація ни мало не задавалась вопросомъ о томъ, найдутъ ли эти люди на мѣстахъ ссылки какіе-нибудь заработки, которые давали бы имъ средства къ существованію. Благодаря этому, ссыльные сектанты терпѣли страшныя лишенія, голодали, болѣли и нерѣдко „мерли, какъ мухи“.

О преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются въ Россіи штундисты и русскіе баптисты, довольно много говорилось въ русской печати, — поэтому мы не будемъ долго останавливаться на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что газеты, особенно южныя, несмотря на тяжелыя цензурныя условія, все-таки сообщаютъ массу фактовъ изъ области подобныхъ преслѣдованій. Основываясь даже на этихъ фактахъ, не трудно себѣ представить то безотрадное, можно сказать, невыносимое положеніе, въ которомъ находятся многочисленные послѣдователи этихъ сектъ. Людямъ не даютъ молиться, запрещаютъ сообща читать евангеліе, штрафуютъ за пѣніе духовныхъ псалмовъ. Ихъ молитвенныя собранія разгоняются полицейскими чиновниками, городовыми, урядниками, сотскими и десятскими. Судьи и земскіе начальники ежедневно приговариваютъ ихъ къ арестамъ и штрафамъ только за то, что они рѣшаются сообща молиться Богу. Имъ не выдаютъ паспортовъ для отлучки на заработки, за ними всюду слѣдятъ, ихъ выслѣживаютъ, какъ важныхъ уголовныхъ преступниковъ.

III.

Еще болѣе суровыя преслѣдованія выпали на долю духоборовъ, проживающихъ на Кавказѣ. Здѣсь дѣло началось съ ссылки въ городъ Колу, Архангельской губерніи, духобора Петра Веригина, пользовавшагося огромной популярностью среди послѣдователей этой секты. Такъ какъ, несмотря на ссылку въ городъ, который считается самымъ отдаленнымъ и самымъ сѣвернымъ городомъ Европейской Россіи, Веригинъ находилъ возможность поддерживать сношенія съ Кавказскими духоборами, то поэтому онъ былъ пересланъ изъ Колы въ Сибирь въ г. Обдорскъ подъ самый строгій надзоръ. Ссылка эта, какъ вскорѣ показали дальнѣйшія событія, была крупной ошибкой со стороны мѣстной администраціи. Она окружила Веригина въ глазахъ его почитателей ореоломъ мученичества и вызвала среди

нихъ желаніе слѣдовать его примѣру. „Онъ пострадалъ за вѣру — говорили духоборы — и за всѣхъ насъ, его братьевъ“. И они также выражали готовность страдать, хотя бы этому страданію не было конца. Броженіе, возникшее среди духоборовъ еще при Веригинѣ, мало-по-малу перешло въ волненіе. Раздраженіе духоборовъ начало проявляться въ неповиновеніи начальству, въ отказахъ исполнять его требованія. Этому всего болѣе способствовали безтактныя, жестокія безъ всякой надобности мѣры мѣстной администраціи. Когда начались массовыя ссылки, и духоборовъ начали высылать сотнями и тысячами въ разные отдаленные уѣзды, то можно было подумать, что при примѣненіи этихъ мѣръ ставится цѣлью не только наказать и покарать духоборовъ, но и въ конецъ разорить ихъ. Такъ, когда были назначены въ ссылку первыя 415 семействъ въ Горійскій, Душетскій и Сигнахскій уѣзды, то имъ было дано всего только три дня сроку, въ который они обязаны были ликвидировать всѣ свои хозяйственныя дѣла, распродать все свое имущество и собраться въ дорогу. Понятно, какія послѣдствія повлекло за собою подобное распоряженіе.

Жилища, надворныя постройки, хлѣбъ на корню, картофель на поляхъ, бо́льшую часть хозяйственнаго инвентаря — плуги, сохи, бороны, повозки и проч. — все это пришлось духоборамъ бросить на произволъ судьбы; остальное же имущество, какъ, напримѣръ, лошадей, быковъ, коровъ, овецъ, пришлось продать впопыхахъ за гроши, за безцѣнокъ. Налегкѣ, въ однихъ фургонахъ двинулись духоборы со своими семьями въ далекія, чуждыя мѣста, на невѣдомую жизнь, съ одними голыми руками. По словамъ очевидцевъ, безмѣрно грустную картину представляли собою эти длинныя вереницы ссыльныхъ духоборовъ.... Такимъ образомъ благосостояніе людей, которое составлялось долгими годами упорнаго труда, было разорено и пущено на вѣтеръ въ три дня, благодаря непонятному самодурству и дикому капризу кого-то.

Такому разоренію и ссылкѣ подверглось около 5000 душъ духоборовъ. Распоряженіемъ губернской власти духоборческія семейства, предназначенныя къ водворенію въ томъ или другомъ уѣздѣ, распредѣлялись по селеніямъ уѣзда съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждое селеніе приходилось не болѣе 2—3 семей, при чемъ они поселялись обязательно въ разныхъ концахъ селенія, съ цѣлью устранить возможность частаго между ними общенія. При этомъ земли ссыльнымъ переселенцамъ-духоборамъ не было дано. Имъ предоставлялось жить, какъ и чѣмъ они хотятъ. Но въ то же время они лишены были права, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія, отлучаться даже въ сосѣднее село. Словомъ, люди были разорены, обездолены и въ довершеніе всего лишены земли и свободы.

Я не буду распространяться здѣсь о тѣхъ чисто азіатскихъ жестокостяхъ и насиліяхъ, которыя пущены были въ ходъ противъ духоборовъ мѣстными кавказскими властями. Но, чтобы хотя отчасти напомнить о томъ, что пришлось испытать этимъ людямъ, прежде чѣмъ они рѣшились покинуть Россію, я позволю себѣ привести здѣсь лишь одинъ случай.

Однажды духоборы села Орловки собрались на общественную молитву. Только что они приступили къ молитвѣ, какъ прискакалъ казакъ съ приказаніемъ, чтобы они немедленно же отправлялись въ Богдановку, куда прибылъ губернаторъ, который требуетъ ихъ къ себѣ. Духоборы отвѣтили посланному: — „дайте намъ кончить молитву и тогда мы придемъ.“ Но имъ не удалось окончить этой молитвы, такъ какъ вслѣдъ за этимъ на нихъ налетѣли двѣ сотни казаковъ и начали бить ихъ нагайками. Толпа замерла. Дѣти подняли страшный плачъ, а казаки, взбѣшенные столь явнымъ ослушаніемъ приказанію начальства, ожесточенно начали бить нагайками оцѣпенѣвшую отъ ужаса толпу беззащитныхъ людей.

Эти наивные люди, всѣмъ сердцемъ вѣрившіе въ то, что на свѣтѣ нѣтъ ничего святѣе, нѣтъ ничего выше молитвы, устанавливающей общеніе человѣка съ Богомъ, кинулись на колѣни и, простирая руки къ Небу, запѣли духовный псаломъ. Увы! Это отнюдь не спасло ихъ отъ казацкихъ плетей, которыя продолжали немилосердно стегать и рубить ихъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, вся толпа, прекративъ молитву, въ ужасѣ не ринулась на дорогу.... Тутъ казаки погнали ихъ въ Богдановку, подстегивая нагайками тѣхъ, которые почему-нибудь замедляли шагъ.

Въ оправданіе суровыхъ мѣръ, принятыхъ противъ духоборовъ, обыкновенно указываютъ на то, что послѣдователи этой секты, отрицая войну, отказывались отъ исполненія воинской повинности. Пусть будетъ такъ Но, вѣдь, это отрицаніе явилось у нихъ не со вчерашняго дня, — наоборотъ, оно всегда составляло одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ ихъ ученія. Однако до сихъ поръ государство находило возможнымъ терпѣть подобное отношеніе къ воинской повинности. Оно находило возможнымъ мириться съ этимъ фактомъ даже во времена наибольшаго увлеченія у насъ солдатчиной и казармой. Чѣмъ же можно объяснить возбужденіе столь суровыхъ преслѣдованій противъ духоборовъ за ихъ отказъ отъ военной службы именно теперь, т. е. въ то самое время, когда главой государства столь торжественно передъ лицомъ всего человѣчества провозглашены были великія идеи мира и осуждены насиліе и милитаризмъ, — эти страшныя язвы современнаго государства?

Это тѣмъ болѣе непостижимо, что, помимо духоборовъ, въ Россіи существуютъ другія секты, также отрицающія военную службу, которыя, однако, терпятся правительствомъ. Такова, напримѣръ, нѣмецкая секта менонитовъ, для послѣдователей которой служба въ войскахъ замѣнена пребываніемъ въ особыхъ лѣсныхъ командахъ, обязанныхъ заниматься разведеніемъ лѣсовъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Почему же для духоборовъ нельзя было сдѣлать того, что сдѣлано для нѣмцевъ-менонитовъ?

Затѣмъ, если мы вспомнимъ, съ одной стороны, тѣ чрезвычайно лестныя аттестаціи, которыя давались высшей кавказской администраціей относительно духоборовъ, о ихъ жизни, о ихъ миролюбіи, о ихъ замѣчательномъ патріотизмѣ, — а, съ другой стороны — статьи и замѣтки въ духовныхъ и миссіонерскихъ журналахъ, громившія духоборовъ и обвинявшія ихъ во всевозможныхъ преступленіяхъ до бунта включительно, — то для насъ будетъ ясно, кто былъ истин-

нымъ вдохновителемъ тѣхъ систематическихъ гоненій, которыя были воздвигнуты противъ этихъ честныхъ, трудолюбивыхъ, трезвыхъ и мирныхъ людей и которыя довели ихъ до отчаянія, до разоренія, до рѣшимости бросить родину и уйти въ чуждый неизвѣстный край.

Въ настоящее время вполнѣ выяснилось, что и Канада и Калифорнія, куда направились наши духоборы, съ полной охотой отводятъ свои земли для поселенія этихъ сектантовъ и готовы даже предоставить имъ разныя льготы, такъ какъ высоко цѣнятъ замѣчательныя нравственныя качества, любовь и способность къ труду такихъ переселенцевъ, какъ русскіе духоборы, которые зарекомендовали себя въ Америкѣ съ самой лучшей стороны и заслужили прочныя симпатіи американскаго общества. Духоборовъ же всего болѣе прельщаетъ въ Америкѣ, во-первыхъ, то, что ни въ Канадѣ, ни въ Калифорніи, какъ извѣстно, нѣтъ всеобщей воинской повинности, такъ какъ войска тамъ составляются изъ охотниковъ-добровольцевъ, а во-вторыхъ: отсутствіе урядниковъ, становыхъ, казаковъ съ ихъ плетьми и нагайками и, наконецъ, отцевъ и господъ миссіонеровъ съ ихъ доносами и науськиваніями.

Перспектива пожить среди подобныхъ условій въ атмосферѣ религіозной свободы настолько соблазнительна для русскаго сектанта, что оставшіеся на Кавказѣ духоборы начинаютъ теперь также готовиться къ переселенію въ Америку. Затѣмъ стремленіе это захватило кавказскихъ молоканъ, которые также рѣшили эмигрировать изъ Россіи. Вообще сейчасъ на Кавказѣ среди духоборовъ, молоканъ и баптистовъ происходитъ сильное и массовое движеніе въ смыслѣ переселенія въ Америку. Интеллигентныя лица изъ среды баптистовъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ становится все больше и больше, дѣлаютъ, какъ намъ извѣстно, всевозможныя усилія для того, чтобы остановить это движеніе и удержать сектантовъ на родинѣ.

Эмиграціонное движеніе кавказскихъ сектантовъ начинаетъ также серьезно безпокоить и мѣстныя власти, которыя всячески стараются затормозить это движеніе. Въ этихъ видахъ прошедшей осенью сдѣлано было распоряженіе о прекращеніи выдачи паспортовъ молоканамъ и другимъ сектантамъ. Но эта мѣра вызвала въ г. Карсѣ уличное волненіе: молокане вышли на площадь и огромной толпой подошли къ дому губернатора, требуя выдачи имъ паспортовъ.

IV.

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что преслѣдованіямъ подвергаются въ Россіи только послѣдователи раціоналистическихъ сектъ. Ни чуть не бывало. Секты чисто мистическаго характера, какъ, напримѣръ, хлыстовщина, малеванщина, прыгуны и т. д., точно также отнюдь не щадятся ни администраціей, ни полиціей, ни отцами-миссіонерами. Чтобы дать представленіе о томъ, во что обращается у насъ дѣятельность православныхъ отцевъ-миссіонеровъ, побуждаемыхъ высшею духовною властью къ борьбѣ съ расколомъ, я позволю себѣ напомнить здѣсь нѣкоторые факты изъ дѣятельности

самарскаго епархіальнаго миссіонера отца Матюшинскаго по искорененію имъ хлыстовщины. Факты эти были оглашены нѣсколько лѣтъ тому назадъ газетой „Недѣля“.[1]

Самарскіе миссіонеры забили тревогу по поводу того, что въ этой губерніи была обнаружена „небывалая масса хлыстовъ“. Особенно выдвинулся, какъ страстный искатель раскола и ересей, нѣкто отецъ Матюшинскій, тотъ самый отецъ Матюшинскій, который не постѣснился печатно обвинять въ сектантствѣ члена саратовской судебной палаты, д. ст. сов. Устимовича. Для иллюстраціи дѣятельности почтеннаго миссіонера приводится слѣдующій поразительный примѣръ. Предоставляю слово самарскому корреспонденту „Недѣли“.

„Купецъ Прохоровъ очень извѣстенъ въ Самарѣ: это — „безупречный труженникъ по благотворительнымъ дѣламъ“, какъ аттестовалъ его самарскій губернаторъ при выборѣ Прохорова въ члены правленія мѣстнаго дома трудолюбія. Особенно много онъ поработалъ во время голода 1891—1892 г., состоя, по назначенію незабвеннаго общаго любимца самарцевъ бывшаго епископа Владиміра, — нынѣ экзарха Грузіи — завѣдующимъ складомъ епархіальнаго комитета для голодающихъ (за что Прохоровъ имѣетъ благословеніе святѣйшаго синода съ установленною грамотою). Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ завѣдующіе складомъ Особаго Комитета, гдѣ Прохоровъ работалъ не покладая рукъ. Прохоровъ до сихъ поръ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ многихъ богоугодныхъ заведеній Самары и пожизненнымъ членомъ „общества распространенія православнаго христіанства на Кавказѣ“, по предложенію самого экзарха. Затѣмъ, всѣмъ извѣстно, что Прохоровъ велъ жизнь всегда трезвую, патріархальную, постоянно ходилъ въ церковь, какъ разсказываютъ о томъ священники, служившіе десятки лѣтъ въ Самарѣ, — за что и былъ избранъ прихожанами Петро-Павловской церкви въ 1889 г. въ церковные старосты. Въ этой должности онъ служилъ до 1895 года, когда теперешній епископъ самарскій Гурій устранилъ его отъ должности по обвиненію его въ хлыстовствѣ. Въ должности церковнаго старосты Прохоровъ сдѣлалъ для церкви очень много полезнаго: кромѣ личныхъ своихъ крупныхъ пожертвованій, онъ очень много пріобрѣлъ въ церковь, воздвигъ разныя постройки, украсилъ храмъ, сдѣлалъ помѣщеніе для церковно-приходской школы и мн. др. За все это впослѣдствіи, когда онъ былъ устраненъ отъ должности старосты, прихожане поднесли ему икону Спасителя и благодарственный адресъ, въ которомъ высказываютъ горячее соболѣзнованіе о постигшей его клеветѣ, свое искреннее убѣжденіе въ томъ, что онъ „истинный православный христіанинъ“ и надежду на то, что этотъ „дымъ клеветы скоро разсѣется“. Тотъ же Прохоровъ способствовалъ устроенію земской образцовой школы на окраинѣ города, до тѣхъ поръ лишенной всякой школы. Состоя попечителемъ этой школы, онъ устроилъ въ ней народныя чтенія.

„И вотъ на этомъ то выдающемся мѣстномъ дѣятелѣ остановился выборъ о. Матюшинскимъ. Въ провинціи, при доброй волѣ, можно найти сколько угодно „достовѣрныхъ свидѣтелей“ чего угодно.

---

[1] Недѣля, 1896 г., № 4.

О. Матюшинскій настоялъ на обыскѣ у Прохорова и во время обыска просилъ судебную власть забрать въ видѣ уликъ нѣсколько женскихъ ночныхъ сорочекъ старушки, тетки Прохорова, отобралъ просфоры, принесенныя къ нимъ богомольцами, хранимыя ими, какъ святыня; поснимали даже перламутровые крестики съ иконъ и все это почему-то о. Матюшинскій призналъ принадлежностью хлыстовщины. Тутъ же Прохорову было поставлено въ вину то, что онъ имѣетъ много въ домѣ иконъ и книгъ св. Евангелія. Кромѣ означенныхъ вещей, ничего „сектанскаго“ въ домѣ Прохорова не нашлось.

„Въ это же самое время о. Матюшинскій отправился въ село С. Бузулукскаго уѣзда, къ родственнику г. Прохорова, тоже человѣку искренне православному и честному, — какъ о немъ отзываются мѣстные крестьяне — состоящему тоже кандидатомъ на должность церковнаго старосты и дѣлавшему очень много пользы для церкви, какъ говорятъ мѣстные священники. Ревностный миссіонеръ произвелъ въ домѣ этого крестьянина, безъ надлежащихъ властей, самъ, лично обыскъ, но результатъ и здѣсь получился отрицательный. Тогда о. Матюшинскій сталъ писать дознаніе, но, что писалъ при дознаніи, объ этомъ не знаетъ никто изъ допрошенныхъ лицъ. На произволъ, творившійся при дознаніи была подана жалоба мѣстному епископу. Послѣ обысковъ и вышеуказанныхъ дознаній о. Матюшинскаго, какъ Прохорову, такъ и его родственнику Н., никакихъ допросовъ до сентября не было. 30-го сентября къ Прохорову снова является судебный слѣдователь и другія лица — свидѣтельствовать Прохорова въ принадлежности его уже къ скопческой сектѣ.“

Необходимо замѣтить, что у Прохорова, какъ извѣстно всему городу, есть дѣти, изъ которыхъ двое сыновей учатся въ мѣстномъ реальномъ училищѣ и дочь въ гимназіи; кромѣ того, есть и малолѣтнія. Какія данныя имѣли о. миссіонеръ и г. судебный слѣдователь для того, чтобы подвергнуть почтенную семью столь позорному обслѣдованію?... Ровно никакихъ. Освидѣтельствовали Прохорова, его жену, несмотря на то, что она ходила послѣдніе дни беременности, сестру-дѣвицу и всѣхъ служащихъ. Результатъ получился, разумѣется, вполнѣ отрицательный, о чемъ и былъ составленъ судебнымъ слѣдователемъ протоколъ. „Никакихъ изувѣрствъ, говорится въ протоколѣ, въ домѣ Прохорова не найдено“. Но тѣмъ не менѣе, 13 октября г. Прохоровъ вызванъ былъ судебнымъ слѣдователемъ къ допросу въ качествѣ обвиняемаго въ распространеніи хлыстовщины и... былъ заключенъ въ тюрьму, съ запрещеніемъ свиданія даже съ семьей на время производства надъ нимъ слѣдствія. Также было поступлено и съ родственникомъ Прохорова Н. Жена Прохорова, будучи потрясена всѣми этими событіями, разрѣшилась преждевременно отъ бремени, и ребенокъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

Разумѣется, „Прохоровъ нѣсколько разъ возбуждалъ ходатайство о замѣнѣ одиночнаго тюремнаго заключенія, какъ мѣры пресѣченія способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда, другой какой-либо мѣрой, не могущей служить предварительнымъ наказаніемъ, какъ то залогомъ или поручительствомъ, — въ то же время не имѣя ровно ничего противъ самого строжайшаго разслѣдованія всей его жизни.

Но всѣ эти ходатайства остаются тщетными". Даже не позволили передать Прохорову сочиненія Іоанна Кронштатскаго съ собственноручною надписью автора.

По словамъ корреспонденціи, „всѣ лица, знающія Прохорова, глубоко увѣрены въ принадлежности его къ истинно православной вѣрѣ" и убѣждены, что слѣдствіе можетъ констатировать лишь полную его невиновность. „Тѣмъ не менѣе Прохоровъ и его родственники и до сего времени (январь 1896 года) сидятъ въ острогѣ."

Приведенные факты какъ нельзя лучше рисуютъ характеръ и пріемы дѣятельности нашихъ православныхъ миссіонеровъ и въ то же время наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, насколько гарантирована въ Россіи неприкосновенность личности и семейнаго очага отъ грубыхъ посягательствъ со стороны отцевъ миссіонеровъ, полиціи и даже судебной власти.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи преслѣдованія сектантовъ со стороны мѣстныхъ духовныхъ властей принимаютъ иногда характеръ настоящихъ религіозныхъ гоненій, при чемъ нерѣдко въ дѣло пускаются такія мѣры, которыя по своей исключительной, почти невѣроятной жестокости, казалось, были совершенно немыслимы въ наше время. Таковы, напримѣръ, были мѣры, принятыя въ 1897 г. по иниціативѣ тѣхъ же самарскихъ миссіонеровъ противъ распространенія молоканской секты. Когда до Самары дошли слухи о томъ, что по селеніямъ Николаевскаго и Бузулукскаго уѣздовъ разъѣзжаютъ по ночамъ становые пристава и урядники, насильно отбираютъ отъ молоканъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, заранѣе намѣченныхъ отцами-миссіонерами и куда то ихъ увозятъ, — то долгое время никто не хотѣлъ вѣрить подобнымъ слухамъ и разсказамъ, — такъ они казались невѣроятны. Однако, это недовѣріе вскорѣ должно было исчезнуть, такъ какъ въ Самару прибыли родители тѣхъ дѣтей, которыя были взяты полиціей и куда то увезены. Смущенные, подавленные, растерянные — они не знали, что дѣлать, что предпринять. Смутно сознавая, что съ ними сдѣлано что-то глубоко беззаконное, они ходили къ губернатору, архіерею, жандармскому полковнику, миссіонерамъ, но нигдѣ не могли добиться толку. Губернаторскіе чиновники увѣряли ихъ, что губернаторъ въ этомъ дѣлѣ ни причемъ, что это дѣло архіерея. У архіерея-же имъ объявили, что владыка не имѣетъ никакого отношенія къ этой исторіи, что это дѣло полиціи и т. д.

Только съ большимъ трудомъ имъ удалось узнать, гдѣ находятся отобранныя отъ нихъ дѣти. Оказалось, что они размѣщены по разнымъ мужскимъ и женскимъ монастырямъ Самарской епархіи. Долгое время никто не могъ или же никто не желалъ объяснить несчастнымъ родителямъ, на долго ли заключены въ монастыри ихъ дѣти и будутъ ли они когда-нибудь возвращены имъ. Но вотъ являются православные миссіонеры и говорятъ убитымъ горемъ отцамъ и матерямъ: „ваши дѣти до тѣхъ поръ будутъ въ монастыряхъ пока вы, ихъ родители, не покаетесь, пока вы не отречетесь отъ молоканской ереси и не присоединитесь снова къ лону православной церкви... Вы губите своихъ дѣтей, такъ какъ не крестите ихъ и воспитываете въ молоканскомъ духѣ, а въ монастыряхъ ихъ окрестятъ по право-

славному обряду и будутъ воспитывать согласно ученію святой церкви“. . . .

Вотъ она святая инквизиція, воскресшая наканунѣ XX-го столѣтія. . . .

Въ отчаяніи родители-молокане бросились къ адвокатамъ, спрашивая ихъ: „есть ли такія права, по которымъ можно было бы безнаказано отбирать дѣтей отъ родныхъ отцовъ и матерей“. Адвокаты усердно писали жалобы и прошенія, которыя посылались молоканами во всевозможныя учрежденія. Однако эти прошенія, эти жалобы не оказывали никакого дѣйствія: молоканскія дѣти по-прежнему томились въ монастыряхъ, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ были окрещены. Отцамъ и матерямъ хотя и разрѣшалось навѣщать своихъ дѣтей, но лишь на самое короткое время и притомъ не иначе, какъ въ присутствіи кого-либо изъ монастырской братіи. Въ то же время въ народѣ начали распространяться слухи, что вскорѣ у всѣхъ молоканъ будутъ отобраны дѣти и помѣщены въ монастыри.

Необходимо замѣтить, что молоканство весьма сильно распространено въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской губерніи; здѣсь есть огромныя села, населеніе которыхъ наполовину и даже болѣе состоитъ изъ молоканъ. Поэтому, понятно, какое страшное волненіе началось въ молоканской средѣ подъ вліяніемъ слуховъ о всеобщемъ отобраніи дѣтей отъ молоканъ. Крестьяне-молокане села Коржевки, Максимовка тожъ, открыто и громко говорили: „Пусть только къ намъ пріѣдутъ миссіонеры съ урядниками, мы ихъ съ вилами встрѣтимъ.“

Изъ Самары были посланы корреспонденціи въ столичныя болѣе независимыя и болѣе либеральныя газеты съ просьбой огласить приведенные выше факты. И, хотя въ справедливости и точности этихъ фактовъ у редакціи газетъ не могло быть ни малѣйшихъ сомнѣній, тѣмъ не менѣе ни одна изъ газетъ не рѣшилась, не осмѣлилась напечатать о томъ, что творили въ самарскихъ степяхъ отцы-миссіонеры, совмѣстно съ становыми и урядниками. Такъ велика боязнь у русскихъ органовъ печати предъ тѣмъ всемогущимъ лицомъ, которое стоитъ во главѣ русскаго церковнаго управленія, которому путемъ двадцатилѣтнихъ репрессій удалось терроризировать редакторовъ и издателей нашихъ газетъ и журналовъ.

Печальные, возмутительные факты были оглашены въ печати, лишь благодаря авторитету графу Л. Н. Толстого и рѣшимости редактора „С-Петербургскихъ Вѣдомостей“, князя Ухтомскаго. Дочь великаго писателя, графиня Т. Л. Толстая, лично отправилась къ г. оберъ-прокурору святѣйшаго синода, чтобы просить за несчастныхъ молоканъ. К. П. Побѣдоносцевъ увѣрилъ графиню, что дѣти молоканъ будутъ немедленно возвращены ихъ родителямъ и при этомъ заявилъ, что вся эта исторія произошла единственно вслѣдствіе того, что самарскія духовныя власти „черезчуръ переусердствовали“.

Весьма естественно было ожидать, что иниціаторы и виновники насильнаго отобранія дѣтей отъ родителей насильнаго заключенія ихъ въ монастыри, насильнаго крещенія ихъ по православному обряду — понесутъ должное наказаніе, что у нихъ разъ на-всегда будетъ отнята возможность въ будущемъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и

направленіи. Можно было думать, что церковнымъ управленіемъ и духовными властями дано будетъ хотя какое-нибудь нравственное удовлетвореніе глубоко оскорбленному и возмущенному народно-общественному чувству. Но, увы! Ничего подобнаго не случилось. Происходившій какъ разъ въ это самое время казанскій миссіонерскій съѣздъ не нашелъ нужнымъ рѣзко и открыто осудить, заклеймить позоромъ возмутительныя дѣйствія самарскихъ миссіонеровъ. Мало этого, — въ средѣ членовъ миссіонерскаго съѣзда нашлись лица, которыя горячо защищали и энергически отстаивали мѣры, практиковавшіяся самарскими миссіонерами. Но и этого мало. Въ составѣ съѣзда нашлись отдѣльные члены и въ числѣ ихъ одинъ преосвященнѣйшій владыка, который доказывалъ необходимость отбирать отъ сектантовъ не только дѣтей, но ихъ имущества .... Къ сожалѣнію, при этомъ осталось невыясненнымъ, въ чью именно пользу, по мнѣнію почтеннаго владыки, должны были поступить конфискованныя имущества сектантовъ.

Затѣмъ, вскорѣ послѣ этого въ Самарѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что главный иниціаторъ всѣхъ гоненій противъ сектантовъ, миссіонеръ о. Матюшинскій, получилъ важное повышеніе по должности: онъ былъ назначенъ главнымъ епархіальнымъ наблюдателемъ надъ всѣми церковно-приходскими школами грамоты въ Самарской губерніи. Лучшаго воспитателя для народной молодежи въ духѣ казеннаго православія, очевидно, трудно было найти.

V.

Въ число сектантовъ и еретиковъ, какъ извѣстно, попалъ и „великій писатель земли русской“, писатель, который, по всей справедливости, считается славой и гордостью Россіи. Это зачисленіе въ ряды еретиковъ геніальнѣйшаго писателя современной эпохи, такъ много сдѣлавшаго для развитія религіозной и этической мысли весьма характерно для того направленія, которое получила наша церковная жизнь въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Вмѣсто того, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить поистинѣ огромныя заслуги графа Л. Н. Толстого въ области религіи и этики, православная церковь, въ лицѣ русскаго святѣйшаго синода, признала его ересіархомъ и — мало этого — нашла нужнымъ отлучить отъ церкви и передать анаѳемѣ.

Подобную мѣру по отношенію такого человѣка, какъ Л. Н. Толстой, нужно считать роковымъ шагомъ для русской православной церкви. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что этого отлученія, этой анаѳемы никогда не простятъ святѣйшему синоду ни русская интеллигенція, ни русскій народъ.

Русскій народъ знаетъ Толстого не только какъ геніальнаго писателя, одареннаго божественнымъ даромъ читать въ сердцахъ людей, какъ въ открытой книгѣ, — онъ знаетъ его какъ человѣка, который всю свою долгую жизнь, всей своей кипучей дѣятельностью всегда служилъ на пользу народа, надъ удовлетвореніемъ его важнѣйшихъ, духовныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ и потребностей. Народъ никогда не забудетъ всего того, что сдѣлалъ

для него Толстой, помимо своихъ художественныхъ и философскихъ произведеній. Онъ не забудетъ его дѣятельности въ качествѣ мирового посредника перваго призыва, его дѣятельности по устройству и веденію замѣчательной образцовой народной школы, его педагогической дѣятельности, его многолѣтнихъ хлопотъ по изданію и распространенію книгъ и картинъ для народа, наконецъ, не забудетъ его въ высшей степени энергичной и поистинѣ самоотверженной дѣятельности по борьбѣ съ голодовками, поражавшими народъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и т. д.

И вотъ, если для такого человѣка, для такого христіанина-подвижника, какъ Левъ Толстой, всю жизнь горѣвшаго любовью къ людямъ въ духѣ самаго чистаго и высокаго христіанства — въ лонѣ православной церкви не оказалось мѣста, то отсюда ясно для всѣхъ и каждаго, во что обратилось теперь наше казенное православіе подъ вліяніемъ и давленіемъ такихъ изувѣровъ-фанатиковъ, какимъ является самозванный глава этой церкви г. Побѣдоносцевъ.

Въ своихъ произведеніяхъ графъ Толстой относился критически и отрицательно не только къ современной церкви, но и къ современному государству. Почему же государство не нашло нужнымъ поступить съ великимъ писателемъ, какъ съ политическимъ преступникомъ, виновнымъ въ подрываніи существующаго государственнаго строя? Почему оно не заточило его въ Соловки, не сослало въ Сибирь или не выслало за границу, какъ, напримѣръ, Пашкова и другихъ? Почему лица, стоящія во главѣ правительства, проявили по отношенію къ знаменитому писателю-философу гораздо болѣе мягкости и терпимости, чѣмъ лица, стоящія во главѣ православной церкви?

Но если власти не нашли возможнымъ и удобнымъ для себя подвергнуть графа Л. Н Толстого ссылкѣ или изгнанію, то съ его послѣдователями эти же самыя власти отнюдь не церемонились. Такъ, напримѣръ, основателю „Посредника“ Владиміру Григорьевичу Черткову было предложено оставить Россію, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ поселиться въ Англіи. Павелъ Ивановичъ Бирюковъ былъ сосланъ въ одинъ изъ глухихъ остзейскихъ городковъ подъ строгій надзоръ полиціи. Эта ссылка и надзоръ, сопровождавшіеся множествомъ всякаго рода стѣсненій, вынудили г. Бирюкова покинуть Россію и переселиться въ Швейцарію. Князю Дм. Ал. Хилкову въ теченіе 90-хъ годовъ пришлось вынести цѣлый рядъ ссылокъ изъ одного мѣста въ другое. Сначала онъ былъ сосланъ на Кавказъ, гдѣ его нѣсколько разъ гоняли изъ одной мѣстности въ другую. Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городковъ Остзейскаго края, подъ строжайшій надзоръ полиціи. Въ концѣ концовъ онъ былъ лишенъ не только свободы, но даже собственныхъ дѣтей, которыя, по высочайшему повелѣнію, были насильно взяты отъ него и отданы его матери, княгинѣ Хилковой. Это былъ, конечно, страшный ударъ, тяжело поразившій Дмитрія Александровича и его жену. Вся жизнь ихъ была разбита. Доведенный до отчаянія, онъ бросилъ родную страну и эмигрировалъ. Что касается „толстовцевъ“, не принадлежавшихъ къ родовитой знати, то съ ними, конечно, церемонились еще менѣе. Обыски, аресты, тюремныя заключенія и ссылки пратиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По поводу подоб-

ныхъ мѣръ у всѣхъ невольно рождается вопросъ: чѣмъ же страшны для государства и церкви эти люди, безусловно отрицающіе всякое насиліе?

VI.

Благодаря указаннымъ выше причинамъ, въ печать проникаютъ лишь очень немногія извѣстія о преслѣдованіяхъ сектантовъ въ Россіи. Вслѣдствіе этого массѣ русскаго общества остаются совершенно неизвѣстны весьма многіе крупные факты насилій и гоненій, предпринимаемыхъ гражданскими и духовными властями противъ послѣдователей той или другой секты. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ обществѣ ничего не извѣстно о той въ высшей степени жестокой расправѣ, которая была учинена въ 70-хъ и 80-хъ годахъ надъ послѣдователями секты неплательщиковъ и затѣмъ немоляковъ.

Секта неплательщиковъ возникла на Уралѣ среди горнозаводскихъ крестьянъ на почвѣ огромныхъ недоразумѣній, вызванныхъ освобожденіемъ крестьянъ. Движеніе это изъ чисто аграрнаго постепенно превратилось въ аграрно-религіозное, такъ какъ протестанты, какъ вѣрующіе люди, стремились и надѣялись въ религіи найти подтвержденіе и высшую санкцію своимъ соціальнымъ требованіямъ. Въ видахъ подавленія этого движенія, которое въ глазахъ администраціи представлялось особенно опаснымъ, пущены были въ ходъ чрезвычайныя мѣры, а именно безпощадныя экзекуціи и наказанія розгами и палками и, наконецъ, высылка неплательщиковъ большими партіями на разные заводы, съ обязательствомъ употреблять ихъ въ тяжелыя работы. Въ Нижне- и Верхне-Сергинскихъ заводахъ, среди населенія котораго было особенно много послѣдователей секты неплательщиковъ, экзекуція производилась съ звѣрскою жестокостью. Здѣсь сотни крестьянъ подверглись поркѣ, при чемъ число ударовъ, которые долженъ былъ получить каждый наказываемый, не опредѣлялось заранѣе, а пороли розгами и палками до тѣхъ поръ, пока наказываемый „не раскаивался въ своихъ заблужденіяхъ“ и не начиналъ просить и умолять о пощадѣ. А такъ какъ сектанты были глубоко убѣждены въ правотѣ своихъ взглядовъ и требованій, то понятно, что многіе изъ нихъ готовы были скорѣе умереть подъ ударами палокъ, чѣмъ отречься отъ того ученія, которое они считали истиннымъ, основаннымъ на священномъ писаніи. И, дѣйствительно, многіе неплательщики были забиты до полусмерти, до потери сознанія. Закусивши губы до крови, эти герои старались не издать ни одного стона, пока подъ вліяніемъ нестерпимой боли сознаніе не покидало ихъ....

Секта немоляковъ, возникшая въ Вятской и Пермской губерніяхъ почти одновременно съ сектой неплательщиковъ и имѣющая съ ней довольно много общаго, точно также вызвала противъ себя крайне крутыя жестокія мѣры. Множество послѣдователей этой секты были заключены въ остроги, гдѣ они томились въ теченіе очень долгаго времени.

Законы, которые имѣютъ цѣлью такъ или иначе облегчить положеніе сектантскаго и старообрядческаго населенія, появляются крайне рѣдко. За послѣдніе 20 лѣтъ можно указать только одинъ

такой законъ, — это именно законъ 3-го мая 1883 года: „о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ общегражданскихъ и по исполненіи ими духовныхъ требъ“. Законъ этотъ, вносившій нѣкоторыя довольно существенныя облегченія въ жизнь послѣдователей сектъ, извѣстныхъ подъ именемъ „менѣе вредныхъ“, при его появленіи былъ горячо привѣтствованъ всей русской печатью. Къ сожалѣнію, примѣненіе этого закона на практикѣ сопровождалось цѣлымъ рядомъ разнаго рода ограниченій. Разные секретные и конфиденціальные разъясненія и циркуляры постепенно все болѣе и болѣе суживали область примѣненія этого закона путемъ отнесенія то одной, то другой секты въ разрядъ „болѣе вредныхъ“. Такимъ образомъ, мало по малу, этотъ законъ, въ свое время превознесенный за гуманность, — сошелъ, какъ говорится на нѣтъ, не внося теперь почти никакихъ облегченій для огромнаго большинства нашихъ сектъ.

Даже послѣдователи самыхъ невинныхъ старообрядческихъ толковъ, въ родѣ, напримѣръ, поповщины, не избавляются теперь отъ всевозможныхъ стѣсненій въ дѣлѣ исповѣдыванія своей вѣры. Они до сихъ поръ не имѣютъ права устроить не только церковь, но даже простую часовню, простую моленную. Ихъ іерархія не признается властями, ихъ епископы и священники цостоянно подвергаются преслѣдованіямъ, арестамъ, ссылкамъ и т. п.

Насколько тяжело и невыносимо положеніе старообрядцевъ въ Россіи, наглядно доказывается, между прочимъ, желаніемъ ихъ эмигрировать на Дальній Востокъ. Вотъ что сообщало по этому поводу „Новое Время“. „Мысль о переселеніи многихъ старообрядцевъ на Дальній Востокъ горячо обсуждается въ старообрядческой средѣ. Рѣчь идетъ о переселеніи въ далекій край многихъ тысячъ исконно русскихъ людей, свято и неприкосновенно сохранившихъ до нашихъ дней завѣты и обычаи глубокой старины. По слухамъ, возможно ждать движенія переселенцевъ: казаки Дона, Кавказа, Урала, старообрядцы Поволожья и даже иноземные некрасовцы выразили желаніе двинуться въ далекій край вмѣстѣ со своими семьями. Некрасовцы, будучи подданными турецкаго султана, не забыли своей прежней родины, сохранили въ цѣлости ея обычаи и любовь ко всему русскому; чувства эти некрасовцы хранятъ свято вмѣстѣ съ своей вѣрой. Завѣтная мечта некрасовцевъ вернуться въ Россію. Когда къ нимъ прибылъ представитель русскихъ старообрядцевъ и сообщилъ о существующемъ проектѣ переселенія на Дальній Востокъ, то вѣсть эта была ими встрѣчена крайне сочувственно. Некрасовцевъ въ настоящее время до 100 тысячъ человѣкъ. По собраннымъ самими старообрядцами свѣдѣніямъ, наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для поселенія надо считать окрестности Харбина: 80 верстъ на востокъ отъ этого города и на югъ до города Куанъ-Чен-Цзы по линіи желѣзной дороги.“ [1]

Такимъ образомъ, если вѣрить этому сообщенію, то выходитъ, что Россія находится [2] наканунѣ колоссальной, безпримѣрной въ нашей исторіи эмиграціи, которая должна отнять у нея сотни тысячъ, если не милліоны наиболѣе трудолюбивыхъ, честныхъ, зажиточныхъ граж-

[1] „Новое Время“ отъ 21-го февраля 1902 г. № 9328. [2] Писано въ мартѣ 1902 г. Ред.

данъ..... Вотъ, между прочимъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ привести политика нетерпимости и произвола въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія людей, въ дѣлѣ совѣсти.

Съ другой стороны, система преслѣдованія за религіозныя вѣрованія развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на нравственное состояніе народа, развивая въ немъ лицемѣріе, скрытность, двуличность, притворство и ханжество, пріучая его ко лжи и обману. Эта деморализація народа — въ высшей степени важное и въ то же время глубоко печальное явленіе, которое, къ сожалѣнію, все чаще и чаще можно наблюдать теперь въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, среди послѣдователей разныхъ сектъ. Пора обратить серьезное вниманіе на это страшное зло, пора принять радикальныя мѣры къ устраненію условій, способствующихъ развращенію нашего народа. Тяжелый грѣхъ на душу берутъ тѣ лица, которыя являются виновниками системы насилій и репрессій въ интимной области вѣры и религіознаго убѣжденія, — системы, вносящей глубокую деморализацію въ народную душу.

VII.

Монастырскія заточенія.

Въ предыдущихъ главахъ мы указали цѣлый рядъ мѣръ, съ помощью которыхъ русское правительство и церковь стараются подавить сектантское движеніе: воинствующее миссіонерство, опирающееся на урядниковъ и становыхъ, явный и тайный надзоръ полиціи, штрафы, аресты, тюремныя заключенія, обыски, изгнанія изъ Россіи, ссылки цѣлыми семьями, цѣлыми сотнями и даже тысячами людей, безчисленные судебные процессы, отобраніе дѣтей отъ сектантовъ, насильное крещеніе, церковныя отлученія, проклятія и анафемы, наконецъ, казацкія плети и нагайки, экзекуціи или наказанія розгами и палками и т. д.

Однако всѣхъ этихъ мѣръ оказывается недостаточно духовной и гражданской администраціи для того, чтобы остановить быстрое развитіе, быстрое распространеніе сектантства. Въ рукахъ правительства и церкви имѣется еще одно поистинѣ страшное наказаніе, которое тѣмъ не менѣе охотно примѣняется къ лицамъ, имѣвшимъ несчастіе возбудить противъ себя обвиненіе въ томъ или иномъ проступкѣ или преступленіи противъ церкви и религіи. Мы говоримъ о заточеніи въ монастырскія тюрьмы.

Какъ извѣстно, такія тюрьмы съ давнихъ поръ существовали при нѣкоторыхъ изъ нашихъ монастырей. Особенно широкой извѣстностью пользуются въ обществѣ тюрьмы Соловецкаго и Суздальскаго монастырей, куда въ прежнія времена ссылались не только религіозные, но и государственные преступники, которые по терминологіи той эпохи величались „ворами и бунтовщиками“.

Съ теченіемъ времени для государственныхъ и политическихъ преступниковъ создались особыя спеціальныя тюрьмы, — наши русскія Бастиліи, въ родѣ Петропавловской крѣпости, Шлиссельбургской, Кары и т. д. Для религіозныхъ же преступниковъ такими Бастиліями до сихъ поръ являются монастырскія тюрьмы. Эта печальная роль, столь

несвойственная внутреннему характеру мирной, духовной обители, какой является монастырь, выпала, главнымъ образомъ, на долю нашихъ сѣверныхъ и отчасти восточныхъ наиболѣе отдаленныхъ монастырей.

Начиная съ половины XVI столѣтія, со временъ Іоанна Грознаго, башни и тюрьмы Соловецкаго монастыря дѣлаются мѣстомъ ссылки и заточенія преступниковъ противъ вѣры, „еретиковъ“, какъ обыкновенно называли ихъ въ то время. Въ это мрачное время, когда лучшимъ, радикальнѣйшимъ средствомъ въ борьбѣ съ религіозными вѣрованіями считались казематы, пытки, костры и застѣнки, монастырскія башни и тюрьмы были переполнены „еретиками“. Тутъ были учители, вожаки и послѣдователи всѣхъ сектъ раскола: хлысты, бѣгуны, поповцы и безпоповцы, духоборы, скопцы, молокане. Тутъ были основатели всевозможныхъ новыхъ ученій, которыя, съ заточеніемъ ихъ творцовъ, такъ и канули въ вѣчность.

Тутъ были: митрополиты, архіереи, монахи, князья и графы, бояре и вельможи, священники, купцы, чиновники, солдаты, офицеры и многочисленные представители сѣрой народной массы. Здѣсь они томились въ могильномъ одиночествѣ тюремныхъ келій и казематовъ, за двойными желѣзными рѣшетками, томились годы, десятки лѣтъ и нерѣдко цѣлую жизнь.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, въ теченіе котораго въ нашей общественной жизни многое смягчилось, многое измѣнилось къ лучшему. Только монастырскія тюрьмы съ ихъ сырыми и холодными казематами остаются по-прежнему все тѣми же мрачными гробницами, какими онѣ были два вѣка тому назадъ . . . Невыразимо тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производятъ теперь эти остатки давнымъ давно пережитой, давнымъ давно похороненной эпохи.

Но какъ въ прежнія, отдаленныя отъ насъ времена заключеніе въ монастырскихъ тюрьмахъ менѣе всего способствовало раскаянію лицъ, попадавшихъ въ такое заключеніе, такъ и въ болѣе позднее и даже въ настоящее время можно наблюдать то же самое явленіе. И теперь люди, сидящіе десятки лѣтъ въ монастырской тюрьмѣ, не только не убѣждаются въ ложности своихъ религіозныхъ воззрѣній, а, напротивъ, повидимому, еще болѣе укрѣпляются въ справедливости и непреложности своихъ ученій, становятся гораздо фанатичнѣе, чѣмъ были ранѣе. Въ доказательство этого можно привести множество примѣровъ, — укажемъ здѣсь хотя нѣкоторые изъ нихъ.

„Основатель деснаго братства“ капитанъ артиллеріи Н. С. Ильинъ, просидѣвъ болѣе 20 лѣтъ въ тюрьмахъ сначала Соловецкаго, а затѣмъ Суздальскаго монастырей, проникся необыкновеннымъ ожесточеніемъ, которое ярко сказалось во всѣхъ его произведеніяхъ и посланіяхъ послѣдняго времени. Адріанъ Пушкинъ, просидѣвшій 15 лѣтъ въ Соловецкомъ казематѣ, ни на одну іоту не отступился отъ своихъ вѣрованій. То же самое слѣдуетъ сказать о старообрядческихъ епископахъ: Аркадіи, Кононѣ и Геннадіи, которые высидѣли въ тюрьмѣ Суздальскаго монастыря отъ 16 до 20 слишкомъ лѣтъ каждый. „Царь“ и „пророкъ“ Кавказскихъ прыгуновъ Максимъ Рудометкинъ, просидѣвшій въ монастырскихъ тюрьмахъ болѣе шестнадцати лѣтъ, ни на волосъ не поколебался въ своихъ воззрѣніяхъ и въ теченіе всего

времени, проведеннаго имъ въ заключеніи, не переставалъ изыскивать всевозможные способы для поддержанія сношеній съ оставленными имъ на Кавказѣ послѣдователями, которыхъ онъ всячески наставлялъ твердо держаться преподаннаго имъ ученія. И подобныхъ примѣровъ — повторяемъ — можно было бы привести великое множество.

Несмотря на то, что монастырскія заточенія являются, конечно, чисто средневѣковой, почти инквизиціонной мѣрой, которая нигдѣ, кромѣ Россіи, не примѣняется, — у насъ эта мѣра и до сихъ поръ еще въ полномъ ходу.

Такъ, лѣтомъ прошлаго 1901 года всѣ газеты обошло извѣстіе о заключеніи въ Суздальскій монастырь священника села Бурнаки Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, Герасима Ивановича Цвѣткова. Судя по сообщенію газетъ, священникъ Цвѣтковъ отправленъ былъ изъ г. Борисоглѣбска въ названный монастырь съ почтовымъ поѣздомъ, въ сопровожденіи городового. При этомъ сообщалось, что „высшее духовное начальство осудило его на заточеніе въ Суздальскомъ монастырѣ“, куда онъ и отправлялся подъ полицейскимъ конвоемъ. Причиною, вызвавшею примѣненіе къ о. Цвѣткову такой суровой кары, были нѣкоторые его взгляды, несогласные съ тѣми, которые считаются господствующими въ нашемъ духовенствѣ. Такъ, напримѣръ, о. Цвѣтковъ осуждалъ „подчиненіе церкви свѣтской власти въ лицѣ оберъ-прокурора Св. Синода“, признавалъ необходимость скорѣйшаго созыва вселенскаго собора для разрѣшенія многихъ назрѣвшихъ вопросовъ въ православной церкви, отвергалъ авторитетъ святѣйшаго Синода и т. п. Въ этомъ смыслѣ онъ неоднократно подавалъ докладныя записки оберъ-прокурору святѣйшаго Синода и многимъ высшимъ іерархамъ русской церкви, послѣдствіемъ чего и было осужденіе о. Цвѣткова на строгое содержаніе въ монастырѣ, „впредь до раскаянія и исправленія“.

Чтобы дать представленіе о томъ, насколько продолжительно бываетъ такое заключеніе въ монастырѣ и въ то же время насколько тяжелыми условіями обставлено оно, — достаточно привести свѣдѣнія, которыя также недавно, а именно въ февралѣ мѣсяцѣ 1901 г., сообщались въ печати относительно содержанія въ Суздальскомъ монастырѣ бывшаго сельскаго священника Нижегородскаго уѣзда, отца Петра Золотницкаго.

Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ священникъ Золотницкій „былъ отлученъ отъ церкви и сосланъ въ Суздальскій монастырь, гдѣ пробылъ 31 годъ, живя въ одиночномъ заключеніи въ кельѣ и не выходя все время своего заключенія за ворота монастырской обители. Тридцатилѣтнее пребываніе въ одиночномъ заключеніи (Золотницкій жилъ въ кельѣ, имѣвшей одно небольшое окно вверху, сквозь которое падалъ только слабый свѣтъ въ его убѣжище, но видѣть никого въ это окно Золотницкій не могъ) оставило глубокій слѣдъ на заключенномъ. Нервная система его потрясена, воля парализована, и онъ въ настоящее время влачитъ невеселые дни“.

О прошломъ о. Золотницкаго и о причинѣ, вызвавшей его „заточеніе“ газеты сообщали слѣдующія данныя. Петръ Золотницкій окончилъ курсъ въ нижегородской духовной семинаріи. Затѣмъ онъ

священствовалъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ около 15 лѣтъ, много читалъ, самъ писалъ сочиненія. Затѣмъ однажды онъ исчезъ изъ прихода. Долго его искали, но безуспѣшно, и, только спустя нѣкоторое время, нашли въ одномъ раскольничьемъ селѣ. Петръ Золотницкій, не скрываясь, заявилъ, что онъ по своему убѣжденію вполнѣ сочувствуетъ старообрядцамъ и, не желая вносить разладъ въ свою душу, рѣшилъ дѣйствовать открыто, какъ повелѣваетъ ученіе св. отцевъ, и оставилъ священство въ православной церкви. Надъ нимъ состоялся судъ и, какъ результатъ послѣдняго, явилось 30-лѣтнее заключеніе въ монастырѣ. Нерѣдки случаи, когда заключенныя въ монастырь лица, просидѣвъ десяки лѣтъ въ мрачномъ казематѣ, лишившись здоровья и силъ, тамъ и умираютъ. Такъ, напримѣръ, 13 мая 1877 года умеръ содержавшійся въ арестантскомъ отдѣленіи Суздальскаго Спасо-Евфимьевскаго монастыря „пророкъ“ и „царь“ Кавказскихъ прыгуновъ Максимъ Рудометкинъ, переведенный туда изъ Соловокъ.

Вообще чаще всего этой суровой карѣ — заключенію въ монастырской тюрьмѣ, — подвергаются люди, виновные въ отпаденіи отъ православія и въ распространеніи религіозныхъ ученій, несогласныхъ съ духомъ господствующей церкви и признанныхъ особенно вредными, словомъ, тѣ люди, которые обыкновенно извѣстны у насъ подъ кличкой „сектантовъ“. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ этой категоріи, съ указаніемъ принятой противъ нихъ мѣры, можно иногда встрѣтить въ отчетахъ г. оберъ-прокурора св. Синода или же въ отчетахъ епархіальнаго начальства той или другой мѣстности.

Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ г. оберъ-прокурора св. Синода за 1898 г. находимъ сообщеніе о распространеніи въ Харьковской губ. новой секты хлыстовскаго характера, основанной крестьяниномъ Ахтырскаго уѣзда Василіемъ Подгорнымъ. По дознанію, произведенному харьковскимъ епархіальнымъ начальствомъ, Подгорный изобличался въ томъ, что, подъ личиною внѣшняго благочестія, онъ распространялъ въ народной средѣ ученіе, подрывающее коренные основы семейной жизни, уваженіе къ церкви, ея таинствамъ и православнымъ пастырямъ. Въ виду этого святѣйшій Синодъ въ 1892 г. опредѣлилъ: помѣстить Подгорнаго въ арестантское отдѣленіе Суздальскаго Спасо-Евфимьевскаго монастыря, впредь до усмотрѣнія его раскаянія и исправленія.

Знакомясь съ епархіальными отчетами, можно сдѣлать заключеніе, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ въ послѣднее время начинаютъ все чаще и чаще прибѣгать къ заключенію въ монастыри не только сектантовъ, но и тѣхъ лицъ, которыя почему-нибудь особенно выдѣляются своею дѣятельностью въ области религіи. Вотъ, напримѣръ, что можно прочесть въ „отчетѣ о состояніи сектантства въ Самарской Епархіи 1900 г.“

„По отношенію къ нераскаяннымъ и зловреднымъ еретикамъ и пропагаторамъ епархіальное начальство прибѣгало къ крайнему средству воздѣйствія, ходатайствуя предъ св. Синодомъ объ изъятіи ихъ изъ среды православной паствы чрезъ заключеніе въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь. Такъ оно вынуждено было поступить съ нѣкіимъ Ермолаемъ Ѳедосѣевымъ, который жилъ въ пещерѣ и

своей лицемѣрной (?) праведностью привлекалъ къ себѣ массы простого народа.“ [1]

Въ данномъ случаѣ даже не указывается на принадлежность лица, обреченнаго къ заключенію въ монастырь, къ какой-нибудь особенно вредной сектѣ. Судя по отчету, вся вина Ермолая Ѳедосѣева состоитъ лишь въ томъ, что его праведность показалась кому-то лицемѣрной. Если даже допустить, что такое подозрѣніе было вполнѣ основательно, нельзя не признать, что наказаніе, назначенное за „лицемѣрную праведность“, совершенно не соотвѣтствуетъ винѣ.

Изъ того же отчета мы узнаемъ, что въ Суздальскій-же монастырь былъ заключенъ крестьянинъ Самарской губерніи Иванъ Чуриковъ, „выдававшій себя за цѣлителя и чудотворца и тѣмъ эксплоатировавшій религіозное чувство простецовъ“. Въ истекшемъ 1900 г., — замѣчаетъ отчетъ, — Чурикову „какимъ-то образомъ удалось освободиться изъ заточенія“. Составитель отчета, видимо, относится неодобрительно къ такой мѣрѣ, т. е. къ освобожденію Чурикова „изъ заточенія“ и въ доказательство своего мнѣнія приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни и дѣятельности Чурикова.

„Свободой своей — говоритъ отчетъ — Чуриковъ воспользовался для стяжанія себѣ еще большаго авторитета, объясняя свое освобожденіе не дѣломъ милости начальства, а признаніемъ будто бы его невинности (невиновности?) и правоты его ученія. Теперь онъ проживаетъ въ Петербургѣ и имѣетъ сотни поклонниковъ, которые вполнѣ обезпечили его существованіе и сняли для него цѣлый роскошно обставленный домъ.“ [2]

Вообще насколько легко у насъ попасть теперь въ монастырскую тюрьму, показываетъ между прочимъ случай съ г. Раховымъ, бывшій въ г. Архангельскѣ въ 1894 г. Необходимо подробнѣе остановиться на этомъ случаѣ.

Въ 1893 г., въ одной изъ Петербургскихъ газетъ,[3] было напечатано письмо изъ Архангельска подъ заглавіемъ „человѣкъ-загадка“, — въ которомъ сообщалось о благотворительной и просвѣтительной дѣятельности мѣстнаго жителя В. Рахова и приводились біографическія о немъ свѣдѣнія.

„Лѣтъ десять тому назадъ, — говорилось въ замѣткѣ, — въ одной изъ торговыхъ конторъ богатой нѣмецкой фирмы въ Архангельскѣ состоялъ на службѣ молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, нѣкто В. Раховъ. Сынъ довольно состоятельныхъ родителей, на прекрасномъ счету у своихъ принципаловъ, онъ былъ уже, такъ сказать, на порогѣ блестящей житейской карьеры, какъ вдругъ, къ ужасу родныхъ и немалому изумленію знакомыхъ, бросилъ и службу, и общество, въ которомъ вращался, и куда-то исчезъ. Спустя нѣкоторое время, мы застаемъ его уже въ глухой деревушкѣ Пинежскаго уѣзда. Тамъ, переходя изъ избы въ избу, онъ усердно обучаетъ грамотѣ и закону божію деревенскихъ ребятишекъ, дѣломъ и совѣтомъ помогаетъ взрослымъ, а по вечерамъ и въ праздники читаетъ имъ книжки религіозно-нравственнаго содержанія. Въ то же время онъ вступаетъ въ дѣятельную борьбу съ грубостью, пьянствомъ и другими недо-

[1] „Самарскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1901 г. № 16, стр. 886. [2] Iв. 887 стр. [3] „Недѣля“ 1893 г., № 16.

статками мужика, успѣшно будитъ его совѣсть, и крестьяне нравственно оживаютъ. Раховъ является желаннымъ гостемъ въ каждой избѣ: онъ и учитель, и миротворецъ, и помощникъ. Мужики перестаютъ пить; бабы, натерпѣвшіяся отъ пьяныхъ мужей, благодарятъ Провидѣніе за то, что оно послало имъ такого человѣка, черезъ котораго онѣ увидѣли свѣтъ.

„Долго ли продолжалась-бы эта просвѣтительная дѣятельность Рахова — неизвѣстно, но только, по доносу мѣстнаго священника, которому онъ показался подозрительнымъ, ему было воспрещено оставаться въ деревнѣ, — и Раховъ уѣхалъ въ Архангельскъ. Это было весной. Проживъ нѣсколько дней дома, Раховъ снова куда-то исчезаетъ, и теперь уже надолго.

„Проходитъ болѣе двухъ лѣтъ, пока онъ вновь появляется на родинѣ. Оказывается, что за это время онъ пѣшкомъ обошелъ весь русскій югъ, побывалъ на Аѳонѣ, пробрался въ Палестину. Тамъ, насмотрѣвшись на поборы, которымъ подвергаются православные паломники со стороны греческаго духовенства, онъ, возмущенный до глубины души, является къ іерусалимскому патріарху и публично обличаетъ его въ поблажкѣ низкимъ страстямъ своихъ подчиненныхъ, позорящихъ и духовный санъ и христіанскую святыню. За этотъ поступокъ, по распоряженію турецкихъ властей, Раховъ былъ арестованъ и высланъ въ Россію. Въ Одессѣ его заключаютъ въ тюрьму, затѣмъ по этапу возвращаютъ въ Архангельскъ, гдѣ снова сажаютъ въ тюрьму, судятъ, какъ распространителя какой-то ереси, и, не найдя ни въ словахъ, ни въ поступкахъ его ничего предосудительнаго, оправдываютъ и выпускаютъ на волю.

„Вскорѣ послѣ этого Раховъ опять уходитъ на югъ и затѣмъ, черезъ годъ, вновь препровождается по этапу на родину уже изъ Кіева. Замѣчательно, что и въ тюрьмѣ, во время слѣдованія этапомъ, онъ всегда былъ бодръ и „радостенъ“ (выраженіе конвоировъ) и имѣлъ неотразимое и благотворнѣйшее вліяніе на своихъ товарищей по неволѣ. По отзыву тюремщиковъ и конвоировъ, разные бродяги, мошенники, слушавшіе его убѣжденную рѣчь, дѣлались нравственно чище, лучше; иные же положительно исправлялись.“

Попавъ снова въ Архангельскъ, Раховъ начинаетъ вести такой образъ жизни. „Онъ ежедневно, съ ранняго утра и глубокой ночи посѣщаетъ ночлежные пріюты, лачуги и нары, въ которыхъ ютятся бѣдность, порокъ и преступленіе, учитъ добру, грамотнымъ раздаетъ книги, помогаетъ гдѣ и чѣмъ можетъ, миритъ ссорящихся.“ Въ началѣ зимы 1893 г., въ двухъ самыхъ захолустныхъ пунктахъ города, населенныхъ исключительно бѣдняками, Раховымъ были наняты квартиры, гдѣ онъ ежедневно кормилъ до 100 и болѣе человѣкъ. „Эти трапезы обыкновенно начинались и оканчивались чтеніемъ евангелія и житія святыхъ, разъясненіемъ ихъ и молитвою. Масса посторонних ходила изъ любопытства въ столовыя Рахова единственно для того, чтобы послушать его бесѣды и чтенія. Но такъ какъ на устройство этихъ столовыхъ не было испрошеннаго надлежащаго разрѣшенія, то послѣдовало закрытіе ихъ.“

Послѣ этого Раховъ началъ ходить изъ дома въ домъ, изъ лачуги въ лачугу, при чемъ, — по увѣренію автора корресподенціи,

— всегда являлся какъ разъ во время тамъ, гдѣ требовалась или немедленная помощь или утѣшеніе.

Среди бѣдняковъ и рабочихъ классовъ города дѣятельность Рахова имѣла благотворное вліяніе. „Такъ, на нѣкоторыхъ лѣсопильныхъ заводахъ рабочіе, подъ вліяніемъ Рахова, ежедневно начинаютъ теперь работу общею молитвою и, по отзыву заводчиковъ, вы нынѣ не услышите въ ихъ средѣ ни сквернословія, ни раздоровъ, ни ругани. Помимо этого, у нихъ замѣчается сильный подъемъ духа, и само дѣло отъ этого выигрываетъ."

Въ заключеніе корреспонденціи авторъ задается вопросомъ: „гдѣ же беретъ средства этотъ странный человѣкъ, чтобы поить и кормить массу голодныхъ людей, покупать книги для раздачи, помогать и т. д. — „Богъ дастъ" — отвѣтилъ бы на такой вопросъ самъ Раховъ. Средства эти шлютъ ему отовсюду, и въ этомъ отношеніи онъ также обезпеченъ, какъ Іоаннъ Кронштадскій".

Помню, что сообщеніе это живо заинтересовало меня; мнѣ захотѣлось поближе узнать г. Рахова, поближе познакомиться съ его дѣятельностью. Вскорѣ послѣ этого, а именно въ 1896 г., мнѣ представился случай посѣтить Архангельскъ, и вотъ что мнѣ удалось узнать о немъ.

Всѣ, съ кѣмъ намъ приходилось говорить по этому поводу, съ рѣдкимъ и замѣчательнымъ единодушіемъ признавали, что въ тяжелую годину голодовки 1891—1892 г. Раховъ очень много сдѣлалъ для бѣднѣйшей части Архангельскаго населенія. Помимо столовыхъ, въ которыхъ кормились всѣ бѣдняки и нищіе города, а также пришлый людъ, особенно изъ числа богомольцевъ, ежегодно въ огромномъ числѣ направляющихся въ Соловецкій монастырь, — Раховъ на одной изъ окраинъ города, населенной преимущественно бѣднотой, въ Кузнечихѣ, устроилъ мастерскія или, вѣрнѣе, домъ трудолюбія, гдѣ бѣдняки, не имѣвшіе средствъ завести свое собственное дѣло и пріобрѣсти инструменты, занимались столярнымъ и сапожнымъ ремеслами, щипали пеньку, плели коврики и т. д. Тутъ были, какъ мужчины, такъ и женщины.

Затѣмъ, снявъ особый домъ, онъ устроилъ въ немъ пріютъ на 40 челов. дѣтей, въ который принимались дѣти, преимущественно сироты, съ грудного возраста и до 12 лѣтъ. Наконецъ, имъ устроенъ былъ ночлежный домъ для всѣхъ безпріютныхъ и бездомныхъ. Но ему и этого казалось мало, и онъ готовъ былъ каждую минуту дѣлиться всѣмъ, что онъ имѣлъ, съ бѣдняками и нищими. У него ничего не было своего личнаго, завѣтнаго, съ чемъ бы онъ не разстался и не подѣлился бы съ неимущими. Бывали случаи, когда онъ, въ суровую зимнюю вьюгу, встрѣтивъ гдѣ-нибудь нищаго, одѣтаго въ дырявое рубище, — обмѣнивался съ нимъ платьемъ, бывшимъ въ это время на немъ.

Понятно, что вся городская голытьба смотрѣла на Рахова, какъ на своего благодѣтеля; она чуть не молилась на него. Другіе же слои населенія относились къ этому необыкновенному человѣку весьма различно, хотя, повидимому, всѣ безусловно вѣрили въ полную искренность его побужденій и тѣхъ мотивовъ, которыми онъ руководствовался въ своей дѣятельности. Но одни считали его чудакомъ и

оригиналомъ, другіе — религіозно настроеннымъ мистикомъ и „человѣкомъ не отъ міра сего“, третьи, наконецъ, — не вполнѣ нормальнымъ, немного „тронувшимся“ человѣкомъ.

Какъ бы то ни было, но долгое время все шло прекрасно: учрежденія, созданныя Раховымъ на пользу населенія, постепенно развивались и крѣпли. Вдругъ по городу пошли какіе-то странные тревожные слухи. Судя по этимъ слухамъ, можно было заключить, что мѣстное духовенство заподозрило Рахова въ отступленіи отъ православія. Таинственно сообщалось о какихъ-то брошюркахъ и книжкахъ, которыя читались иногда въ открытыхъ имъ учрежденіяхъ и которыя, якобы, не вполнѣ согласны съ ученіемъ и правилами православной церкви. Говорилось, что Раховъ будто бы съ недостаточнымъ почтеніемъ относится къ иконамъ св. угодниковъ.

Произведены были обыски въ учрежденіяхъ, организованныхъ Раховымъ, но при этомъ рѣшительно ничего подозрительнаго обнаружено не было. Иконы вездѣ оказались на подобающихъ имъ мѣстамъ, брошюрки, возбудившія подозрѣнія мѣстныхъ священниковъ, оказались самыми невиннѣйшими книжками, прошедшими всевозможныя цензуры.

Тѣмъ не менѣе, однако, Раховъ былъ привлеченъ къ суду, и дѣло его разсматривалось Архангельской Палатой. Когда ему предложили избрать себѣ защитника, онъ отказался, замѣтивъ: — „Богъ защититъ.“ Къ сожалѣнію, намъ не пришлось узнать, какъ именно было формулировано обвиненіе противъ Рахова, но судомъ онъ былъ оправданъ.

Мѣстная администрація также ничегоне имѣла противъ Рахова и его дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1894 г. получилось распоряженіе о заключеніи Рахова въ Суздальскій Спасо-Евфимьевскій монастырь. Вслѣдствіе этого онъ былъ немедленно арестованъ и отправленъ въ тюремный замокъ. Отсюда 20-го октября въ 8 часовъ утра онъ былъ отправленъ этапнымъ порядкомъ въ г. Суздаль; при чемъ ему не дозволено было даже проститься съ родными отцомъ и матерью.

Навѣстивъ отца Рахова, я засталъ его въ глубокой скорби, какъ онъ самъ опредѣлилъ свое душевное состояніе. Ссылка въ монастырь единственнаго сына, на котораго семьей возлагались всѣ надежды, страшно поразила и потрясла какъ старика отца, такъ и его жену. Послѣдняя, прохворавъ нѣсколько мѣсяцевъ, умерла отъ „скорби“ 10-го февраля 1895 года. Со смертью жены старикъ остался одинокимъ бобылемъ. Съ горечью, хотя и безъ малѣйшей тѣни озлобленія, жаловался онъ на тяжелый ударъ судьбы, поразившій его семью.

Отъ сына онъ получаетъ письма, которыя проходятъ черезъ руки и цензуру настоятеля монастыря. По словамъ отца, письма его сына Василія Рахова проникнуты глубокимъ религіознымъ чувствомъ, полныхъ христіанскимъ смиреніемъ и безропотной покорностью предъ постигшимъ его суровымъ наказаніемъ... Убитый горемъ отецъ, между прочимъ, съ тревогой высказывалъ предположеніе, что монастырское заключеніе можетъ особенно сильно повліять на мистически настроенное воображеніе его сына и даже можетъ повлечь за собою полное

душевное разстройство его, тѣмъ болѣе, что ранѣе въ молодости онъ уже перенесъ приступъ психической болѣзни.

Несчастный старикъ всю надежду возлагалъ на прошеніе, которое онъ готовился подать одному высокопоставленному лицу относительно освобожденія сына на его поруки. Сбылась ли эта надежда, къ сожалѣнію, намъ не удалось узнать....

Чтобы закончить эту хронику монастырскихъ заточеній, имѣвшихъ мѣсто въ самое послѣднее время, я приведу еще одинъ примѣръ.

Въ Подольской губерніи прошлымъ лѣтомъ былъ такой случай. На священника Шандровскаго пало подозрѣніе, что онъ благоволитъ штундѣ. Говорили даже, что онъ оставилъ православіе и открыто присоединился къ штундѣ. Его вызываютъ въ губернскій городъ, арестуютъ тамъ и вслѣдъ затѣмъ онъ безслѣдно куда-то исчезаетъ. Спустя нѣкоторое время, сдѣлалось извѣстно, что онъ заточенъ въ одинъ изъ монастырей.

Таковы факты современной русской дѣйствительности. Ознакомившись съ ними, читатель пойметъ, почему вопросъ о свободѣ совѣсти такъ глубоко захватилъ самые различные слои русскаго общества и народа, почему вопросъ этотъ пріобрѣлъ у насъ въ послѣднее время такую остроту, такую жгучесть.

Р. Д.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Druck und Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.